

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД ПРОЦЕССУАЛИСТА

К ВОПРОСУ О РАЗВИТИИ ТЕОРИИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ
В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

С. Б. Россинский,

кандидат юридических наук, доцент

(ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет
имени О. Е. Кутафина (МГЮА)», кафедра уголовно-процессуального права, доцент)

В теории уголовного процесса практически не исследованным остается вопрос, связанный с закономерностями восприятия субъектами познания отраженной информации, то есть тех сведений, которые поступают к ним от объектов познания. Большинство отечественных процессуалистов и криминалистов оставляли эти проблемы за рамками своих исследований, видимо, считая такие закономерности самими собой разумеющимися и основанными на неоспоримом постулате марксизма-ленинизма о возможности отражения объективной реальности в сознании субъекта. Авторы некоторых фундаментальных работ старались углубиться в диалектико-материалистические законы философии и позиционировали уголовно-процессуальное познание (доказывание) как разновидность высшей формы отражения, характеризующейся известной степенью субъективизма¹.

Дальше всех в вопросах восприятия субъектами познания сведений, имеющих значение для уголовного дела, продвинулись представители информационной теории доказательств, возникшей в 1960-е годы на фоне развития кибернетики. Ими была выдвинута идея о доказательственной

информации как о сигнале, поступающем из объективной действительности в сознание субъекта доказывания и формирующем там соответствующие познавательные образы². Иными словами, ученые фактически приблизились к концепции о познании (доказывании) обстоятельств уголовного дела на основе неких субъективных образов, запечатленных в сознании дознавателя, следователя, судьи. Однако эти научные идеи так и не получили своего дальнейшего развития, возможно, из-за потенциальной опасности возникновения определенных противоречий с марксистско-ленинской теорией познания.

Для справедливости следует обратить внимание, что советский диалектический материализм вовсе не отрицал наличия субъективных познавательных образов, а, напротив, утверждал об их существовании³. Упоминание образов встреча-

2 См. Арсеньев В. Д. Вопросы общей теории судебных доказательств. М. : Юрид. лит., 1964. С. 83–86; Дорохов В. Я. Марксистско-ленинская гносеология – основа теории доказательств. // Теория доказательств в советском уголовном процессе / отв. ред. Н. В. Жогин. М. : Юрид. лит., 1973. С. 215–217; Лузгин И. М. Методологические проблемы расследования. М. : Юрид. лит., 1973. С. 72–73; Белкин Р. С. Курс криминалистики. Т. 1. М. : Юристы, 1997. С. 136–137; Балакшин В. С. Доказательства в теории и практике уголовно-процессуального доказывания. Екатеринбург : ООО «Изд-во УМЦ УПИ», 2004. С. 10–15.

3 См., например, Нарский И. С. Актуальные проблемы марксистско-ленинской теории познания. М. : Знание, 1966. С. 34; Дейнеко Н. И. Объективное и субъективное в процессе отражения (философский аспект). Киев–Одесса : Вища Школа, 1978. С. 87 и т.д.

1 См., например, Курылев С. В. Основы теории доказывания в советском правосудии. Минск : БГУ им. В. И. Ленина, 1969. С. 11–12.; Якубович Н. А. Гносеологические основы доказывания по уголовному делу // Курс советского уголовного процесса. Общая часть / под ред. А. Д. Бэйкова, И. И. Карпеца. М. : Юрид. лит. 1989. С. 523–525; Кокорев Л. Д., Кузнецов Н. П. Уголовный процесс: доказательства и доказывание. Воронеж : ВГУ, 1995. С. 108.

ется и в работах В. И. Ленина⁴. Но вместе с тем советские философы относились к данной проблеме с большой осторожностью, не выходили за рамки «дозволенного». В противном случае существовала реальная «опасность» перехода на позиции идеализма, который подвергался резкой критике. В частности Н. К. Вахтомин специально отмечал, что идеалисты извращенно толкуют активную роль субъекта в познании, превратив его творца действительности в некоего деминурга⁵.

Мы полагаем, что проблемы восприятия субъектами доказывания значимой для уголовного дела информации, безусловно, требуют дальнейших исследований. Представляется, что, методологически отталкиваясь от информационной теории доказательств, в настоящее время вполне возможно выявить и проанализировать закономерности формирования мысленных образов в сознании дознавателя, следователя, судьи. А это, в свою очередь, позволит по-новому взглянуть на достоинства и недостатки различных видов доказательств и, следовательно, наметить новые подходы к оценке их относимости, допустимости, достоверности и достаточности для разрешения уголовного дела.

Итак, одним из базовых положений для информационной теории доказательств является тезис о том, что субъект познания получает отраженную информацию от объекта посредством сигналов, передающихся в определенной форме. В кибернетике под сигналом обычно понимается тот или иной физический процесс, несущий информацию о событии, явлении, объекте, то есть как бы выступающий в роли модели этих события, явления или объекта⁶. Таким образом, содержанием сигнала является сама информация, а его формой – способ передачи (например, изменение предмета, акустические колебания и т. д.). Дознаватель, следователь, судья, осуществляя познавательную деятельность посредством проведения различных процессуальных действий, различным образом взаимодействуют с объектами познания, получая от них соответствующие информационные сигналы.

4 См. Ленин В. И. Полное собрание сочинений в 55 томах. Т. 18. Материализм и эмпириокритицизм. М.: Политиздат, 1968. С. 114.

5 См.: Вахтомин Н. К. О роли категорий сущность и явление в познании. М.: АН СССР, 1963. С. 12.

6 См. например, Полетаев И. А. Сигнал. М.: Советское радио, 1958. С. 25–27; Куликовский Л. Ф., Молотов В. В. Теоретические основы информационных процессов. М.: Высшая школа, 1987. С. 67–69.

В этой связи следует согласиться с информационной теорией доказательств в уголовном процессе, предполагающей субъективные механизмы психического отражения (восприятия, ощущения, представления) поступающих информационных сигналов и формирования на их основе определенных знаний об обстоятельствах, подлежащих установлению по уголовному делу⁷. Но вместе с тем нам представляется не совсем аргументированным тезис о том, что психическое отражение имеет материальный характер, поскольку связано с объективно существующей нервной системой и организмом человека.

Рассмотрим этот вопрос более подробно. Большинство философских систем, сложившихся в Новое время, выделяют два основных этапа познания: чувственное и рациональное⁸. Причем современные научные исследования свидетельствуют о неравномерном соотношении чувственного и рационального познания у различных типов личностей. Так, известный отечественный психофизиолог Н. Н. Данилова выделяет художественный, мыслительный и средний типы личности. Художественный тип характеризуется преобладанием первой сигнальной системы и восприятием действительности цельными чувственными образами без их разделения на части. У мыслительного типа, наоборот, усилена работа второй сигнальной системы, резко выражена способность отвлечения от реальности, основанная на стремлении анализа, разложения действительного на части с последующим соединением этих частей в целое. Для среднего типа свойственна уравновешенность функций обеих сигнальных систем⁹. При этом она отмечает, что большинство людей принадлежат к среднему типу. Ссылаясь на знаменитого русского физиолога И. П. Павлова, она пишет, что ярко выраженные «художники» и «мыслители» – это люди с психическими отклонениями, «поставщики нервных и психиатрических клиник»¹⁰.

Принимая во внимание существующие в государстве механизмы проверки и оценки профессиональной пригодности судей, дознавателей, следователей, полагаем, что гипотетически все эти лица являются психически нормальными, относящимися к среднему типу. Вместе с тем у каждого из них соотношение «мыслителя» и «художника» осуществ-

7 См.: Дорохов В. Я. Указ. соч. С. 216; Балакшин В. С. Указ. соч. С. 13.

8 См.: Философия: учебник для вузов. / Под общ. ред. В. В. Миронова. М.: Норма, 2005. С. 558.

9 См.: Данилова Н. Н. Психофизиология: учебник для вузов. – М.: Аспект Пресс, 2012. С. 272.

10 Там же. С. 273.

вляется в разных пропорциях. Каждый субъект познания обусловлен сугубо индивидуальными особенностями отражения объективной действительности.

Чувственное познание человеком окружающего мира имеет первичный характер. Оно связано с деятельностью органов чувств, сенсорной системы¹¹ и мозга. В процессе чувственного познания возникают ощущения, восприятия, представления.

Ощущение является простейшим и исходным элементом как чувственного познания, так и всего человеческого сознания¹². Этот элемент чувственного познания выступает в роли одного из базисов по отношению к высшей психической функции человека. Ощущения формируются с помощью анализаторов, данных человеку от природы и состоящих из рецептора (периферической части), нервного пути (неврона), проводящего полученную информацию от рецептора в кору головного мозга, и нейросенсорной зоны, то есть области локализации ощущений¹³. Важную роль в ощущениях играют сенсорные рецепторы, являющиеся составной частью органов чувств. Посредством работы рецепторов поступающие сведения преобразовываются в соответствующие нервные импульсы, то есть проходят процедуру кодирования¹⁴. В зависимости рецептора можно выделить зрительные, слуховые, обонятельные и другие ощущения.

Восприятие представляет собой более сложный психический процесс, связанный с преобразованием ощущений в мысленные образы. Этот элемент высшей психической функции человека, пожалуй, занимает центральное место в механизме чувственного познания. Именно через восприятие поступающие посредством сенсорной системы материальные по своей природе нервные импульсы (коды) трансформируются в идеальные конструкции – перцепты¹⁵.

11 Под сенсорной системой в психофизиологии понимается часть нервной системы, которая воспринимает внешнюю информацию, передает ее в мозг и анализирует ее (см., например, Основы психофизиологии : учебник. / отв. ред. Ю. И. Александров. М. : ИНФРА-М, 1998. С. 55).

12 См.: Философия : учебник для вузов. / под общ. ред. В. В. Миронова. С. 560.

13 См.: Визель Т. Г. Основы нейропсихологии : учебник для студентов вузов. М. : В. Скачсв, 2013. С. 18.

14 См.: Основы психофизиологии : учебник / отв. ред. Ю. И. Александров. С. 48–49.

15 Перцепт – то, что воспринято. Перцепт не следует путать с каким-либо физическим объектом или энергией, которая воздействует на рецептор. В конечном счете перцепт – феноменологическое или чувственное понятие; это результат процесса восприятия. (см., например, Электронная психологическая энциклопедия: http://mirslavareci.com/content_psy/percept-27454.html#ixzz2aRt2blRy).

С точки зрения принципов строения головного мозга, предполагающих его разделение на три основных блока, за восприятие отвечает второй блок, работа которого обеспечивает модально-специфические процессы, а также сложные интегративные формы переработки экстероцептивной информации, необходимой для осуществления высших психических функций¹⁶.

Психология XIX века представляла восприятие как пассивный отпечаток внешнего воздействия в коре головного мозга. Однако сегодняшняя наука подходит к этому процессу с совершенно иных позиций. По этому поводу выдающийся отечественный психолог А. Р. Лурия писал, что современные ученые рассматривают восприятие как активный процесс поиска требуемой информации, выделения существенных признаков, сличения их между собой, создания адекватных гипотез и последующего сличения этих гипотез с исходными данными¹⁷.

В основе восприятия, безусловно, лежит декодирование поступающих в кору головного мозга нервных импульсов. Если в процессе сенсорного кодирования формируется модель стимула, – пишет В. П. Зинченко, – то в процессе восприятия создается и используется модель предмета¹⁸. Вместе с тем вплоть до настоящего времени специалистам не удалось детально изучить психофизиологическую природу декодирования; эти механизмы во многом остаются непонятными. Как происходит переход нервных импульсов в перцепты и какие причины обуславливают превращение допсихических сенсорных процессов в процессы восприятия? На этот вопрос можно ответить пока что лишь гипотетически¹⁹, высказав соответствующие предположения²⁰.

Таким образом, на сегодняшний день в психологической науке не существует каких-либо убедительных позиций, выражающих материальную связь между объективно существующей сенсорной системой и возникающими в ходе восприятия перцептами. Полагаем, что одно только это обстоятельство уже вызывает серьезные сомне-

16 См.: Хомская Е. Д. Нейропсихология: учебник для вузов. 4-е изд. – СПб.: Питер, 2013. – С. 70.

17 См.: Лурия А. Р. Основы нейропсихологии : учебное пособие для студентов вузов. 6-е изд. М. : Издательский центр «Академия», 2008. С. 232.

18 См.: Зинченко В. П. Проблемы генезиса восприятия. // Восприятие и действие / под ред. А. В. Запорожца. М. : Просвещение, 1967. С. 40.

19 См.: Там же.

20 См.: Маклаков А. Г. Общая психология. СПб. : Питер, 2001. С. 431, 434.

ния по поводу материального (зеркального) характера восприятия и, следовательно, всего отражения субъектами уголовно-процессуального познания объективной реальности.

В данном случае скорее можно говорить не столько о материальности, сколько об относительной адекватности восприятия. В этой связи К. Р. Поппер писал, что люди редко ошибаются в своих восприятиях благодаря изощренному аппарату декодирования с его многочисленными встроенными контрольными устройствами. Но это вовсе не означает, что результаты человеческого восприятия следует приравнивать к каким-то стандартам надежности или истинности. Механизмы восприятия человеком окружающего мира, по мнению К. Р. Поппера, следует сравнивать с работой опытного фотографа, который редко ошибается в выборе выдержки благодаря его тренировке и навыку. При этом его снимки вовсе не надо рассматривать как стандарты правильной выдержки²¹.

Несмотря на всю важность восприятия, этот процесс позволяет сформировать в сознании человека лишь перцепты, выполняющие хотя и важную, но лишь промежуточную роль в познании окружающего мира. Перцепт еще не является полноценным мысленным образом какого-либо события или явления. Как отмечал американский психолог У. Найссер, образы не являются воспроизведениями или копиями ранее сформированных перцептов; образы – это не картинки в голове, а планы сбора информации из потенциально доступного окружения²². Поэтому существует еще более сложная (высшая) форма чувственного познания – представление (гнозис) – то есть способность узнавать предметы по чувственным восприятиям. Гнозис позволяет сопоставить воспринятые перцепты с какими-то отдельными фрагментами, запечатленными в памяти субъекта, и тем самым сформировать полноценный мысленный образ определенного объекта познания. Принимая во внимание производность гнозиса от функции восприятия, полагаем, что он также никоим образом не может расцениваться как имеющий материальный характер. И, следовательно, его результаты – мысленные образы – нельзя рассматривать как зеркальные

отражения реальных объектов познания. Скорее уместно предположение об их относительной адекватности по отношению к объективной действительности.

В зависимости от модальности, то есть от используемых рецепторов, выделяют различные виды гнозиса: зрительный, слуховой, обонятельный, тактильный и другие. При этом для современного человека наибольшую актуальность имеют зрительный гнозис и слуховой гнозис²³. На основании многолетних исследований в области психофизиологии и нейропсихологии ученые пришли к выводу о существовании серьезных различий в механизмах зрительного и слухового гнозиса. Эти особенности обусловлены структурной и функциональной организацией коры головного мозга. А. Р. Лурия в своих работах отмечал следующее: «В коре головного мозга человека выделяются проекционная общечувствительная (теменная), зрительная (затылочная) и слуховая (височная) области»²⁴. Следовательно, зрительное восприятие зависит от одной части мозга, а слуховое – от другой.

Применительно к уголовному судопроизводству приоритет зрения и слуха над познавательными свойствами других органов чувств прекрасно прослеживается в существующей системе доказательств. Так, слуховой гнозис преимущественно обуславливает формирование различных видов показаний, а зрительный – вещественных доказательств, протоколов следственных действий, судебного заседания и иных документов. Хотя при этом мы полагаем, что подобная обусловленность не является исключительной, поскольку, например, показания могут быть даны посредством собственноручного изложения допрашиваемым соответствующих обстоятельств. А при формировании протоколов следственных действий могут быть задействованы не только зрение, но и иные органы чувств. Например, при осмотре места происшествия по делу о пожаре в протоколе вполне допустимо указать об ощущении резкого запаха.

Различия зрительного и слухового гнозиса также обусловлены еще одним важным фактором. Ранее мы предложили разделить все объекты процессуального познания на два вида: материальные, предполагающие отражение информации в элементах вещной обстановки, и идеальные, связанные с отражением информации в сознании человека. Особенности познания каждого из них очевидны.

21См.: Поппер К. Р. Объективное знание. Эволюционный подход / пер. с англ. Д. Г. Лахути; отв. ред. В. Н. Садовский. – М.: Эдиториал УРСС, 2002. С. 69.

22См.: Найссер У. Познание и реальность. Смысл и принципы когнитивной психологии. / пер. с англ. В. В. Лучкова. М.: Прогресс, 1981. С. 47.

23См.: Визель Т. Г. Указ. соч. С. 20.

24См.: Лурия А. Р. Указ. соч. С. 29.

Взаимодействуя с материальным объектом, сенсорная система познающего чувствует и воспринимает его реальный образ. В психологии по этому поводу даже существует специальный термин – «наглядно-образное мышление»²⁵. Поэтому основная роль в данном случае, несомненно, принадлежит зрительному гнозису. Как отмечается, зрительная система вообще наиболее информативна и дает мозгу более 90 % сенсорной информации²⁶, однако в части наглядно-образного мышления ее роль намного выше. Безусловно, человек способен к чувственному познанию материальных объектов посредством иных гнозисов, в частности слухового. В обыденной жизни подобных примеров не так уж и мало: бессознательный крик младенца, звук ружейного выстрела, шум летящего самолета и т.д. Однако на фоне зрительной информации их доля несоизмеримо мала. Если же посмотреть на рассматриваемую ситуацию в контексте уголовного судопроизводства, то становится очевидным – зрительный гнозис дознавателя, следователя и особенно судьи является практически единственным способом получения сведений от материальных объектов познания. Например, в ходе осмотра места происшествия дознаватель или следователь зрительно воспринимают само место, находящиеся там предметы, их внешние признаки, свойства, состояние и взаиморасположение. Обыск или выемка направлены на зрительное познание факта нахождения предметов, документов или ценностей в определенном месте или у определенного лица. Судебный осмотр вещественного доказательства связан с его визуальным восприятием судьей (присяжными заседателями). А редкие случаи использования иных органов чувств (например, в вышеописанном случае осмотра места пожара, где присутствовал резкий запах, или следственного эксперимента направленного на установление возможности услышать звук выстрела на определенном расстоянии) – это те самые исключения, которые лишь подтверждают общее правило.

Познавательная деятельность, связанная с восприятием идеальных объектов, осуществляется посредством принципиально иных механизмов.

Для подробного рассмотрения этого гносеологического феномена, прежде всего, необходимо учесть то обстоятельство, что субъекты познания в данном случае взаимодействуют не с фраг-

ментами объективной реальности, не с элементами вещной обстановки, а с информацией, извлекаемой или уже извлеченной из сознания других лиц. В уголовном процессе таковыми являются свидетели, потерпевшие, подозреваемые, обвиняемые, эксперты, специалисты, а также иные люди, не имеющие процессуального статуса, но сообщившие дознавателю, следователю или суду значимые для уголовного дела сведения, например автор приобщенного к материалам уголовного дела документа и т.д. В части судебного производства в качестве подобных «поставщиков сведений» можно рассматривать дознавателя и следователя – субъектов, представивших информацию о результатах досудебного производства в виде соответствующих протоколов следственных действий.

Каждый из этих лиц ранее также выступает субъектом познания, непосредственно или опосредованно взаимодействуя с обстоятельствами, подлежащими установлению по уголовному делу (с предметом познания). Например, свидетель зрительно воспринимает картину совершения преступления или внешность преступника. Эксперт воспринимает объекты экспертного исследования. Аналогичная ситуация просматривается и в случае использования в уголовном деле письменных документов. В частности, если это выписка из банка о состоянии расчетного счета, то ее автор – сотрудник банка – ранее должен был лично воспринять соответствующую информацию из базы данных.

Следовательно, сознание каждого такого человека предварительно подвергается воздействию тех же самых психических процессов, которые нами были рассмотрены применительно к субъектам познания; любому из них присущ соответствующий гнозис. Созданные посредством восприятия и представления знания об окружающей или окружавшей этих лиц реальности, уже изначально нельзя считать имеющими объективный характер. Как и в случае с субъектами познания, здесь можно говорить лишь об относительной адекватности формируемого перцепта и соответствующих мысленных образов. И именно поэтому выше по тексту мы писали о таких объектах как об обладающих первичным субъективизмом.

Поэтому при взаимодействии дознавателя, следователя или судьи с идеальными объектами познания их собственный перцепт приобретает явно производный характер. В данном случае образуется как бы «перцепт в квадрате». Основанные на нем мысленные образы обладают уже вто-

25См.: Визель Т. Г. Указ. соч. С. 32.

26См.: Основы психофизиологии : учебник / отв. ред. Ю. И. Александров. С. 57.

ричным субъективизмом, бесспорно влияющим на их относительную адекватность.

Еще одной важной особенностью идеальных объектов познания является условно-знаковая форма их передачи. Люди не обладают способностью чтения мыслей и мысленных образов других людей, поэтому человеческое общение, определяемое обменом сведениями, происходит посредством специально выработанных знаков (кодов); важнейшей знаковой системой на этом фоне является язык. В современном человеческом обществе существуют различные формы языка: язык жестов, язык программирования и т. д. Однако в уголовном судопроизводстве в качестве основного способа общения установлена словесная (речевая) форма языка; согласно ст. 18 УПК РФ, таковым является русский язык или государственные языки республик, входящих в состав РФ. Хотя для полноты освещения проблемы следует отметить, что в ходе познания обстоятельств уголовного дела дознаватель, следователь или суд могут сталкиваться с необходимостью восприятия информации, представленной в виде иных знаковых систем. Например, по уголовному делу в качестве документа может быть приобщен план какого-либо земельного участка, сооружения или иного объекта, предполагающий не словесную форму, а специальные чертежные и технические символы. Но вместе с тем сути проблемы это не меняет. Независимо от вида используемой знаковой системы субъекты уголовно-процессуального познания воспринимают поступающие к ним информационные сигналы не в виде наглядных образов, а в виде интеллектуальных знаков. Полагаем, что такой способ передачи информации следует именовать вербальным.

Термин «вербальный» образован от латинского слова «*verbalis*» – словесный. Его можно трактовать в узком и широком смыслах. В узком смысле термин «вербальный» относится лишь к словесной речевой форме языка. Однако в настоящем исследовании мы будем придерживаться широкой трактовки данного термина, понимая под ним любые процессы оперирования различными словами, знаками, символами и другими интеллектуальными сигналами, содержащими человеческие мысли. И в таком контексте вербальными следует признавать любые способы познания дознавателем, следователем и судом идеальных объектов, то есть информации об обстоятельствах, имеющих значения для уголовного дела, отраженных в человеческом сознании.

Вербальные способы познания в уголовном судопроизводстве характеризуются разумным соот-

ношением использования зрительного и слухового гнозиса. Полагаем, что приоритет одного перед другим зависит от конкретных обстоятельств уголовного дела, объектов процессуального познания, а также от стадии уголовного судопроизводства. Например, показания свидетеля, потерпевшего, подозреваемого или обвиняемого в досудебном производстве, как правило, даются в устной форме и воспринимаются следователем или дознавателем на слух. Но при этом любой допрашиваемый вправе собственноручно изложить свои показания в соответствующем протоколе; в этом случае субъект познания знакомится с ними уже зрительно. Заключение эксперта или специалиста, согласно требованиям ч. 1 и 3 ст. 80 УПК РФ, должны быть представлены в письменной форме, поэтому тоже воспринимаются зрительно. Вместе с тем показания вызванного на допрос эксперта уже воспринимаются на слух.

Особый интерес представляет соотношение зрительного и слухового гнозиса при познании в судебном заседании. Так, с одной стороны, в распоряжении судьи находятся все материалы уголовного дела, с которыми он, безусловно, знакомится зрительно. Но, с другой стороны, согласно общему условию устности судебного разбирательства все исследуемые документы (протоколы следственных действий, заключения экспертов и специалистов, письменные документы и т. д.) подлежат обязательному оглашению. Следовательно, судья воспринимает их еще раз уже посредством слухового гнозиса. А присяжные заседатели, которые тоже, бесспорно, являются субъектами познания, улавливают содержание указанных документов исключительно на слух.

Независимо от вида используемого гнозиса вербальный способ получения информации характерен еще одной важной особенностью. Формируемый посредством речевого и иного знакового восприятия перцепт сам по себе не связан с существованием наглядных образов. Поэтому для создания полноценного мысленного образа в сознании познающего лица чувственные механизмы человеческого познания явно недостаточны. В данном случае требуется более сложная форма познания – рациональное мышление, предполагающее использование формально-логических категорий, таких как понятие, суждение, умозаключение. В литературе подобную форму мышления иногда называют вербально-логическим, поскольку оно предполагает способность мыслить, опираясь не на сам предмет или его образ, а на замещающее их слово²⁷.

27 См.: Визель Т. Г. Указ. соч. С. 32.

В этой связи нам бы не хотелось допускать серьезную ошибку, привязывающую рациональное мышление исключительно к вербальным способам познания идеальных объектов. Это не совсем так. Безусловно, работа дознавателя, следователя, судьи с материальными объектами познания тоже предполагает использование понятий, суждений и умозаключений. Например, в отношении следственного осмотра Р. С. Белкин и Е. М. Лиф-

шницер или судья зрительно или на слух воспринимают определенные сведения (вербальные сигналы), которые, поступая в кору головного мозга, образуют соответствующий вербальный перцепт. И затем на основании этого перцепта посредством рационального мышления в их сознании формируются определенные мысленные образы обстоятельств, являющихся содержанием сообщенных вербальных сведений (см. схему 1).

При этом особо следует учитывать, что если используемое средство вербального познания предполагает составление протокола (например, допроса или очной ставки), то он должен отражать не сформированный мысленный образ, а результаты перцепта. Указанное

требование обусловлено положениями уголовно-процессуального закона, предписывающими обязанность записывать показания лица по возможности дословно (ч. 2 ст. 190 и п. 10 ч. 2 ст. 259 УПК РФ). А в случае собственноручного составления протокола допроса или использования права на внесение в него замечаний содержанием данного процессуального документа является уже не перцепт, а сами сведения, сообщенные допрашиваемым лицом в их первоначальном виде.

В свою очередь схема уголовно-процессуального познания, сопряженного с восприятием материальных объектов познания, нам представляется следующим образом. Дознаватель, следователь или судья зрительно (в исключительных случаях – посредством иных

органов чувств) воспринимают определенные фрагменты объективной действительности, элементы вещной обстановки, сведения о которых, поступая в кору головного мозга, образуют соответствующий образный перцепт. Далее на основании этого перцепта посредством зрительно-го (в исключительных случаях – иного) гнозиса в их сознании формируются мысленные образы воспринятых материальных объектов познания (см. схему 2).

И лишь затем субъект познания посредством своего рационального мышления создает словесное (вербальное) описание сформированного мысленного образа, которое заносится в соответствующий протокол следственного действия или

Схема 1

шиц отмечали, что при его производстве чувственное познание следователем объектов и явлений материального мира сочетается с логическим мышлением²⁸. Однако эти формально-логические категории начинают использоваться несколько позже, во время оперирования соответствующими доказательствами в целях получения промежуточных или окончательных выводов. Поэтому Р. С. Белкин и Е. М. Лифшиц, завершая вышеприведенную мысль, указывали, что логическое мышление при осмотре связано именно

Схема 2

с обработкой его результатов в целях выявления их связей как с самим расследуемым событием, так и с другими фактическими данными, собранными по делу²⁹. Тогда как сам зрительный гнозис, само формирование образов материальных объектов осуществляется исключительно посредством чувственного (наглядно-образного) мышления.

Таким образом, при вербальном способе уголовно-процессуального познания идеальных объектов формирование мысленных образов происходит по следующей схеме. Дознаватель, следо-

²⁸См. Белкин Р. С., Лифшиц Е. М. Тактика следственных действий – М.: Новый Юрист, 1997 – С. 44.

²⁹См. Там же.

судебного заседания. Следовательно, в протоколе в отличие от вербальных способов познания отражается уже не перцепт, а вербальная форма выражения мысленных образов, созданных в сознании дознавателя, следователя или судьи.

Таким образом, подобный способ познания характеризуется одним существенным признаком. При формировании мысленных образов, используемых для установления обстоятельств уголовного дела, не задействованы вербальные функции передачи и восприятия информационных сигналов. Поступающие сведения преимущественно имеют наглядно-образное содержание, а в редких случаях выражены в виде иных образов: акустических, тактильных, запаховых и пр. Иными словами, в его основе лежат невербальные сигналы.

В этой связи мы предлагаем называть такой способ уголовно-процессуального познания невербальным, понимая под ним любые способы формирования мысленных образов, основанных на чувственном (наглядно-образном) перцепте. Термин «невербальный» в данном случае используется в широком смысле и подразумевает оперирование не только зрительными, а всеми сведениями, не выраженными в вербальной (интеллектуально-сигнальной) форме.

Механизмы вербального и невербального познания – это принципиально разные способы установления дознавателем, следователем, судом обстоятельств уголовного дела. Причем они отличаются друг от друга не только характером поступающей информации и особенностями ее восприятия и осмысления. Их различия обусловлены биологическими и нейропсихологическими закономерностями работы человеческого мозга, связанными с так называемой межполушарной асимметрией. Как отмечал американский психофизиолог Д. Хэссет, между двумя половинами мозга имеются биологические различия, с которыми, по-видимому, связаны разные типы мышления³⁰. Результаты многолетних научных опытов и испытаний, проводившихся отечественными и зарубежными учеными, в том числе А. Р. Лурия³¹, на протяжении XX века показали, что при переходе человека от невербальных заданий к вербальным происходит уменьшение правополушарного доминирования реакции активности или смена правополушарного доминирования на левополушарное. И, таким

образом, был сделан вывод о функциональном значении различных отделов левого полушария головного мозга в организации речи и других психических функций и правового полушария – в невербальных перцептивных формах³².

Однако самые последние исследования вопросов межполушарной асимметрии несколько пошатнули концепцию абсолютного разделения вербальных и невербальных функций соответственно в левом и правом полушариях мозга. На смену пришли новые научные представления, согласно которым левое полушарие относительно доминирует в ходе вербальных психических процессов, а правое – при невербальных. Причем у левшей относительное доминирование полушарий мозга организовано с точностью до наоборот³³.

Очевидно, что подобная биологическая дифференциация механизмов вербального и невербального познания оказывает достаточное влияние на существующие различия между формируемыми мысленными образами. Как уже отмечалось выше, современная наука еще не смогла выработать каких-либо определенных позиций, определяющих устойчивую связь между объективно существующей сенсорной системой и возникающими в ходе познания перцептами и мысленными образами. Поэтому в настоящее время научное обоснование четких критериев различия вербального и невербального познания не представляется возможным.

Вместе с тем на сегодняшний день сам факт существования подобных различий вполне подтверждается индуктивным путем с помощью накопленного эмпирического материала. По этому поводу французский философ-экзистенциалист, специалист в области феноменологии М. Мерло-Понти приводил ряд интересных примеров. Так, он писал, что слепой мальчик великолепно определяет параметры зрительного восприятия; прекрасно знает, что такое ветви, листья, руки, пальцы и т.д. Однако после операции по восстановлению зрения он видит мир отличным от того, который ожидал увидеть³⁴. В качестве еще одного примера он говорил, что звуковое кино в отличие от немого не только добавляет зрелищу звуковой аккомпанемент, но и изменяет содержание самого зрелища³⁵.

32См.: Хомская Е. Д. Указ. соч. С. 81–83.

33См.: Там же. С. 85.

34См.: Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. Пер. с фр. И. С. Вдовиной, С. Л. Фокина. СПб.: Ювента, Наука, 1999. С. 288–289.

35См.: Там же. С. 301.

30См.: Хэссет Д. Введение в психофизиологию. / пер. с англ. И. И. Полетаевой; под ред. Е. Н. Соколова. М.: Мир, 1981. С. 116.

31См.: Лурия А. Р. Мозг и психические процессы. М.: МГУ, 1990. С. 87–90.

Полагаем, что все сказанное в полной мере относится и к уголовному судопроизводству. Очевидно, что мысленные образы дознавателя, следователя, судьи, формируемые посредством вербальных способов процессуального познания, также отличаются от результатов наглядно-образного восприятия, как представления о мире слепого и зрячего человека. Слова и другие вербальные средства общения передают образ объективной действительности в том ракурсе, в котором она представлена в сознании свидетеля, потерпевшего, обвиняемого, эксперта и других лиц, и с учетом того смысла, который вкладывает в содержание этих слов сам субъект познания. Невербальные средства связаны с ощущением и восприятием фрагментов объективной реальности в первозданном виде, но с учетом еще малоизученных наукой связей между сенсорной системой и процессами формирования мысленных образов.

Каждый из этих способов познания имеет большое значение для установления обстоятельств, входящих в предмет уголовно-процессуального познания (доказывания). И вместе с тем у каждого из них есть своя «ахиллесова пята».

Так, вербальный способ познания позволяет отразить в материалах уголовного дела сведения, представленные свидетелем, потерпевшим, подозреваемым, обвиняемым, экспертом и другими лицами, практически в том первозданном виде, в котором соответствующие субъекты хотели его донести дознавателю, следователю, суду. Это обстоятельство следует расценивать как весьма важную гарантию адекватности восприятия значимой для уголовного дела информации. Например, если следователь, допросив свидетеля, неверно истолкует отдельные сообщенные им сведения, то эта ошибка вполне может быть устранена в судебном заседании посредством получения новых показаний или оглашения протокола допроса. Напомним, что показания, данные следователю, фиксируются в соответствии с тем смыслом, который вкладывает в них допрашиваемый, а не на основании мысленного образа, сформированного в сознании дознавателя или следователя. Если какие-то факты будут неправильно истолкованы судьей, то подобный недочет вполне может быть исправлен в апелляционном производстве и т.д. Особую актуальность эта позитивная черта вербального способа познания приобретает в части работы с заключениями эксперта, специалиста и письменными документами, поскольку в отличие от показаний они не предполагают повторных

судебных процедур и представляются в судебное заседание в том же самом виде, в котором ранее были восприняты органами предварительного расследования. Иными словами, вербальные доказательства обладают свойствами воспроизводимости и высокой степени соответствия отраженной в материалах уголовного дела информации сведениям, исходящим от соответствующего лица.

Кроме того, вербальный способ познания имеет еще одно несомненное достоинство. Посредством человеческой речи или каких-то иных условных знаков и символов можно охарактеризовать обстоятельства, не способные попасть в зону наглядно-образного восприятия дознавателя, следователя или судьи. Во-первых, это, несомненно, определенные события прошлого, не отобразившиеся в элементах вещной обстановки или отобразившиеся таким образом, что их невербальное познание невозможно (например, факт нахождения лица в определенном месте, если там не осталось его следов пальцев рук или обуви; факт произнесения лицом каких-то слов; описание похищенных вещей и т.д.). К этой же группе можно отнести обстоятельства хода и результатов проведения каких-либо следственных действий в досудебном производстве (осмотра, обыска, выемки), которые доводятся до сведения суда посредством вербальной фиксации в соответствующем протоколе. Во-вторых, это какие-либо объекты, которые не могут быть распознаны наглядно-образным способом в силу ограниченных возможностей органов чувств (микрообъекты, повреждения внутренних органов на трупе, концентрация алкоголя в крови и т.д.). Такие обстоятельства подлежат подробному словесному описанию в соответствующем заключении эксперта. В-третьих, это могут быть объекты, не подлежащие наглядно-образному восприятию субъектом уголовно-процессуального познания в силу особого места или специальных условий хранения (например, для получения мысленного образа об удаленно расположенном земельном участке следователь вполне может ограничиться изучением документа – плана БТИ). В-четвертых, это могут быть какие-либо сведения, изначально содержащиеся в словесной форме и, следовательно, в принципе не подлежащие восприятию невербальным способом (сведения о прежней судимости лица, о перенесенных им болезнях, о содержании завешания умершего и т.д.).

Вместе с тем вербальный способ познания объективной действительности характеризуется целым рядом недостатков, создающих серьезные

сложности в правоприменительной деятельности. Безусловно, первым из них следует назвать изначально субъективный характер получаемых сведений (выше о нем говорилось как о «субъективизме в квадрате»). Дознаватель, следователь или судья воспринимают обстоятельства уголовного дела через призму сознания соответствующих свидетелей, потерпевших и других лиц, через фильтр их зрительного, слухового или иного гнозиса, механизмы формирования которого наукой до конца не исследованы. Кроме того, в данном случае нельзя не принимать во внимание ошибки, допущенные этими лицами вследствие неправильного ощущения или восприятия предмета познания, факты умышленного искажения информации и тому подобные негативные обстоятельства. Поэтому при работе с вербальными доказательствами всегда возникает вопрос о степени их адекватности по отношению к объективной реальности.

Помимо этого, вербальный способ познания уязвим возможностью неверного восприятия или осмысления сообщенных сведений самим дознавателем, следователем или судом. Каждое сказанное слово, словосочетание или иной символ побуждают формирование в их сознании определенного мысленного образа, который при этом может существенно отличаться от образа, первоначально закодированного в словесной или иной интеллектуальной форме. Полагаем, что особо острый характер данная проблема приобретает при оперировании оценочными понятиями (например, большой, богатый, известный, умный и т.д.).

Кроме того, человеческая речь или иные интеллектуальные знаковые системы не являются универсальными средствами общения. В мире существует большое количество языков, отдельных диалектов и наречий, специфических терминов, специальных кодов и символов, обуславливающих серьезную опасность непонимания (неправильного понимания) субъектом познания отдельных вербальных сведений. Конечно, законодатель предусмотрел определенные процессуальные гарантии, направленные на минимизацию подобных рисков. В частности, для общения с лицами, не владеющими языком уголовного судопроизводства, существует институт переводчика; для уяснения специальных терминов, используемых в экспертном заключении, возможна процедура допроса эксперта; для правильного понимания каких-то технических и тому подобных документов возможно участие специалиста. Однако указанные процессуальные гарантии да-

леко не безграничны. В современной следственной и судебной практике можно встретить немало ситуаций, когда существующая гарантия оказывается бессильной или невостребованной. Например, следователь или суд не допрашивают эксперта, поскольку полагают, что содержание заключения, в том числе все специальные термины, абсолютно понятны, хотя, возможно, на самом деле это не совсем так. В другом случае подозреваемый или обвиняемый желает изъясняться на каком-то редком диалекте, что сильно затрудняет возможность обеспечения соответствующего переводчика. Да и вообще участие таких вспомогательных субъектов познания, как переводчик или специалист, еще более усиливает субъективизм соответствующих вербальных доказательств (фактически здесь уже имеет место «субъективизм в кубе»).

И, наконец, последнее. Как уже отмечалось выше, вербальный способ познания достаточно часто связан со слуховым гнозисом, возможности которого весьма ограничены и сильно уступают зрительному. В этой связи следует вспомнить приведенные ранее данные психофизиологических исследований, согласно которым максимальную долю сенсорной информации (свыше 90 %) человек получает визуально. И если в досудебном производстве изъяны слухового восприятия информации легко компенсируются посредством последующего ознакомления допрашиваемого лица с соответствующим протоколом, то при рассмотрении дела в судебном заседании подобные механизмы существуют лишь частично. Согласно ч. 7 ст. 259 и ч. 1 ст. 260 УПК РФ, правом на ознакомление с протоколом судебного заседания обладают только стороны; свидетели, эксперты и специалисты не имеют возможности оценить правильность фиксации в протоколе их показаний. При этом полагаем, что от ограниченности слухового восприятия в наибольшей степени страдают уголовные дела, рассматриваемые с участием присяжных заседателей. В силу особенностей процедуры, установленной гл. 42 УПК РФ, эти субъекты процессуального познания воспринимают все оглашаемые вербальные сведения, включая материалы досудебного производства, исключительно на слух.

В свою очередь невербальный способ познания обстоятельств уголовного дела также имеет свои преимущества и недостатки. Важнейшим из его преимуществ, несомненно, является первичный объективизм тех фрагментов реальности, тех элементов вещной обстановки, которые попадают в непосредственное поле зрения дознавате-

ля, следователя или суда. В отличие от показаний, заключений эксперта, специалиста или вербальных документов в данном случае субъекты познания взаимодействуют с материальными следами: вещественными доказательствами, местом совершения преступления, обстановкой какого-либо помещения или сооружения, отображениями пальцев рук, обуви, орудий взлома, протектора транспортных средств и т.д. Появление таких объектов процессуального познания обусловлено законами и закономерностями физики, химии, биологии, иных естественных и технических наук³⁶. Причем в отличие от механизмов формирования мысленных образов современный уровень владения этими науками вполне достаточен для определения четкой материальной взаимосвязи между обстоятельствами, подлежащими установлению по уголовному делу, и соответствующими следами. Таким образом, невербальное познание характеризуется абсолютной адекватностью отражаемого предмета и отражающего объекта познания. А возникающие в связи с этим ошибки могут быть связаны только с некорректным гнозисом представленной информации или неправильной оценкой полученных результатов.

Еще одним достоинством невербального способа познания является наглядно-образный характер перцепта, который является основой для формирования соответствующих мысленных образов. Конечно, как уже отмечалось выше, перцепт – всего лишь промежуточное звено; его образование не обуславливает окончание соответствующей гностической процедуры. Однако чувственная трансформация перцептивного образа в полноценный мысленный образ – это процесс хотя достаточно абстрактный и малоизученный, но, тем не менее, явно более примитивный, чем механизмы рационального мышления, связанные с гнозисом вербальных сведений. Следовательно, невербальный способ уголовно-процессуального познания обусловлен сравнительно небольшой степенью гностической погрешности. По сравнению с вербальным познанием его результаты в целом более адекватны обстоятельствам, подлежащим установлению по уголовному делу.

Среди недостатков невербального познания, прежде всего, следует отметить относительную невоспроизводимость сформированных таким образом доказательств. Физический, химический, биологический и тому подобный характер возникновения материальных объектов познания имеет и свою обратную сторону – их подверженность

к таким же физическим, химическим, биологическим и тому подобным разрушениям, обусловленным диалектической закономерностью движения материи. Разрушения объектов невербального познания могут носить как естественный, так и искусственный характер. В первом случае следы преступления подвергаются воздействию различных природных явлений (например, в результате дождливой погоды были уничтожены следы обуви на месте происшествия; вследствие биохимических процессов происходит постепенное разложение трупа; изменились погодные условия, при которых проводился следственный эксперимент и т.д.). Искусственное разрушение связано с участием в этом процессе человека. В частности, материальные объекты могут полностью или частично лишиться своих познавательных свойств непосредственно в ходе выполнения соответствующих следственных или иных процессуальных действий (в ходе осмотра или обыска следователь изымает необходимые предметы, документы или ценности из тех мест, где они находились; в процессе экспертного исследования расходуется представленное на экспертизу вещество и т.д.). Вместе с тем искусственное разрушение объектов невербального познания может иметь место и не рамок уголовного судопроизводства (после осмотра места происшествия потерпевшим был наведен порядок в квартире; осмотренный труп был перевезен в морг и т.д.).

Хотя при этом следует обратить внимание, что некоторые материальные следы преступления все-таки обладают относительной устойчивостью и практически могут сохранять неизменный вид на протяжении всего уголовного судопроизводства. Среди них, в первую очередь, следует выделить приобщенные к материалам дела вещественные доказательства (орудия преступления, предметы, на которые были направлены преступные действия; вещи, найденные преступным путем, и т.д.). К ним также можно отнести какие-то целые помещения, сооружения, участки и тому подобные объекты.

Отмеченный недостаток невербального познания в уголовном судопроизводстве влечет за собой еще одно негативное обстоятельство, касающееся досудебного производства, – относительную субъективность формирования результатов соответствующих следственных действий. Как отмечалось, в этом случае гностическая функция дознавателя или следователя заключается в создании мысленного образа каких-либо фрагментов объективной действительности на основании собственно воспринятого чувственного (наглядно-об-

³⁶См.: Криминалистика : учебник для вузов / под ред. Р. С. Белкина. М. : Норма-Инфра-М, 1999. С. 208.

разного) перцепта. Очевидно, что данные мысленные образы как раз и обуславливают результаты тех следственных действий (следственного осмотра, обыска, выемки, следственного эксперимента), посредством которых осуществляется невербальное познание. Они же путем перевода в словесную вербальную форму составляют содержание протокола следственного действия.

Эта проблема не представляет особой актуальности во время собственно досудебного производства, так как дознаватель или следователь по существу формируют доказательства сами для себя, понимая при этом, какой именно мысленный образ обусловил указанные в протоколе результаты. Однако для последующего судебного разбирательства представленный в письменной (речевой) форме протокол следственного действия – как вербальная форма подачи информации. Кстати, аналогичным образом протокол следственного действия следует расценивать при передаче уголовного дела из органов дознания следователю, а также при замене одного следователя другим. После того как протокол следственного действия, предполагающего чувственный способ познания, попадает в производство другого субъекта процессуального познания, он фактически меняет свою сущность и переходит в разряд вербальных доказательств, так как впредь зафиксированные в нем сведения будут восприниматься в словесной форме посредством рационального мышления. В частности в судебном заседании протокол следственного действия превращается в доказательство, по сути близкое оглашаемым показаниям, заключениям экспертов, специалистов или документам. И, следовательно, он приобретает весь шлейф рассмотренных выше недостатков, свойственных для невербальных способов познания.

В качестве определенных гарантий адекватности результатов невербального познания в досудебном производстве выступает право участников следственных действий на ознакомление с соответствующими протоколами и на внесение в них замечаний (ч. 6 ст. 166 УПК РФ). Причем особая роль в этом вопросе, безусловно, принадлежит институту понятий, постепенно меняющему метод своего правового регулирования: с предписания на дозволение. И еще одной гарантией относительной адекватности результатов невербального познания является возможность (в некоторых случаях необходимость) использования дополнительных средств фиксации хода и результатов следственных действий, в частно-

сти видеозаписи (ч. 6 ст. 164, ч. 8 ст. 166, ч. 1.1 и 3 ст. 170 УПК РФ).

Итак, нами были рассмотрены основные достоинства и недостатки вербального и невербального способов уголовно-процессуального познания. На основании изложенного полагаем, что каждый из них вносит существенный вклад в установление обстоятельств уголовного дела, и, таким образом, в решение задач всего уголовного судопроизводства. Вместе с тем каждый из них по своему уязвим, что, несомненно, предполагает свои особенности проверки, оценки и использования соответствующих доказательств.

При этом каждый из указанных способов познания характеризуется своими собственными гностическими механизмами, что делает сформированные на их основе доказательства несравнимыми. Но ведь для полноценного установления обстоятельств, входящих в предмет познания (доказывания), все доказательства по уголовному делу должны быть объединены в один общий доказательственный материал и оценены в своей совокупности. Такой принцип заложен в само основание современного типа российского уголовного процесса. Следовательно, должен существовать какой-то общий процессуально-гносеологический критерий, позволяющий привести все имеющиеся по уголовному делу доказательства независимо от способа их получения к единому знаменателю.

Представляется, что решение этого вопроса следует искать в частично критикуемой нами марксистско-ленинской философии. В трудах советских философов красной нитью проходит мысль о формировании отражения объективной реальности в сознании познающих субъектов через призму многолетней общественной практики³⁷.

Поэтому для уголовного судопроизводства этим критерием, безусловно, является следственная и судебная практика, то есть выработанные годами практические умения и навыки по расследованию и судебному разбирательству уголовных дел, по обоснованию и принятию процессуальных решений. Полагаем, что именно практика позволяет соединить разнородные доказательства в единую, логически выстроенную совокупность, посредством чего решить задачи, стоящие перед уголовным судопроизводством.

37См., например, Нарский И. С. Указ. соч. С. 31; Коршунов А. М. Формирование гносеологического отношения // Диалектика процесса познания / под ред. М. Н. Алексеева, А. М. Коршунова. М.: Изд-во. Московского университета, 1985. С. 12.